

Капитан Клюквин

На Птичьем рынке за три рубля купил я себе клеста. Это был клест-сосновик, с перьями кирпичного и клюквенного цвета, с клювом, скрещенным, как два кривых костяных ножа.

Лапы у него были белые - значит, сидел он в клетке давно. Таких птиц называют "сиделый".

- Сиделый, сиделый,- уверял меня продавец.- С весны сидит.

А сейчас была уже холодная осень. Над Птичьим рынком стелился морозный пар и пахло керосином. Это продавцы трошнееаких рыбок обогревали аквариумы и банки керосиновыми дампами.

Дома я поставил клетку на окно, чтоб клест мог поглядеть на улицу, на мокрые крыши сокольнических домов и серые стены рюлвничного комбината имени Цюрупы.

Клест сидел на своей жердочке торжественно и гордо, как командир на коне.

Я бросил в клетку семечко подсолнуха.

Командир соскочил с жердочки, взмахнул клювом - семечко разлетелось на две половинки. А командир снова взлетел на авоего деревянного коня, пришпорил и замер, глядя вдаль.

Какой удивительный у него клюв - крестообразный. Верхняя часть клюва загнута вниз, а нижняя вверх. Получается чтото вроде буквы Х. Этой буквой Х клест лихо хватает подсолнух трах! - шелуха в стороны.

Надо было придумать клесту имя. Мне хотелось, чтоб в киени был отмечен и его командирский нрав, и крепкий клюв, и красный цвет оперения.

Нашлось только одно слово, в котором есть и клюв и красайй цвет,- к л ю к в а.

Подходящее слово. Жаль только, нет в клюкве ничего кемандирского. Я далго прикидывал так и эдак и назвал илеста Капитан Клюквин.

Всю ночь за окном слышен был дождь и ветер.

Капитан Клюквин спал беспокойно, встряхивался, будто ебрасывал с перьев капли дождя.

Его настроение передалось мне, и я тоже спал неважно, но проснулся все же пораньше, чтобы послушать утреннюю песню Каиитана.

Рассвело. Солнечное пятно еле наметилось в пасмурных облаках, низко бегущих над крышей мелькомбината.

"Цык..." - услышал я.

Потом еще:

"Цык, цык..."

"Убогая песня,- думал я.- "Цык" - и все. Маловато".

Почистив перья, Капитан Клюквин снова начал цыкать. Вначале медленно и тихо, но после разогнался и кончил увесисто и сочно: "Цок!"

Новое колесо в песне меня порадовало, но Капитан замолчал. Видно, он переживал, выдерживал паузу, прислушивался к песне, которая, так сказать, зрела у него в груди.

Впрочем, и настоящие певцы-солисты не сразу начинают кричать со сцены. Настоящий солист-вокалист постоит немного, помолчит, прислушается к песне, которая зреет в груди, и только потом уж грянет: "Люблю я макароны! .."

Капитан помолчал, поглядел задумчиво в окно и запел. Песня началась глухо, незаметно. Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде "тиуууу-лиуууу". Звук этот сменился задорным посвистом. А после зазвенели колокольчики, словно от жаворонка, трели и рулады, как у певчего дрозда. Капитан Клюквин был, оказывается, настоящий певец, со своей собственной песней.

Все утро слушал я песню клеста, а потом покормил его подсолнухами, давленными кедровыми орехами и коноплей.

Пасмурная осень тянулась долго. Солнечных дней выпадало немного, и в комнате было тускло. Только огненный Капитан Клюквин веселил глаз.

Красный цвет горел на его перьях. А некоторые были оторочены оранжевым, напоминали осенние листья. На спине цвет перьев вдруг становился зеленым, лесной, моховой.

И характер у Капитана был веселый. Целый день прыгал он по клетке, расшатывал клювом железные прутья или выламывал дверцу. Но больше всего он любил долбить еловые шишки.

Зажав в когтях шишку, он вонзал клюв под каждую чешуйку и доставал оттуда смоляное семечко. Гладкая, оплывшая смолой шишка становилась похожей на растрепанного воробья. Скоро от нее оставалась одна кочерыжка. Но и кочерыжку Капитан долбил до тех пор, пока не превращал в щепки.

Прикончив все шишки, Капитан принимался долбить бузинную жердочку - своего деревянного коня. Яростно цокая, он смело рубил сук, на котором сидел.

Мне захотелось, чтоб Клюквин научился брать семечки из рук. Я взял семечко и просунул его в клетку. Клюквин сразу понял, в чем дело, и отвернулся.

Тогда я сунул семечко в рот и, звонко цокнув, разгрыз его. Удивительно посмотрел на меня Капитан Клюквин. Во взгляде его были и печаль, и досада, и легкое презрение ко мне. "Мне от вас ничего не надо",- говорил его взгляд.

Да, Капитан Клюквин имел гордый характер, и я не стал с ним спорить, сдался, бросил семечко в кормушку. Клест мигом разгрыз его.

- А теперь еще,- сказал я и просунул в клетку новое семечко.

Капитан Клюквин цокнул, вытянул шею и вдруг схватил семечко.

С тех пор каждый день после утренней песни я кормил его семечками с руки.

Осень между тем сменилась плохонькой зимой. Ба улице бывал то дождь, то снег, и только в феврале начались морозы. Крыша мелькомбината наконец-таки покрылась снегом.

Кривоклювый Капитан пел целыми днями, и песня его звучала сочно и сильно.

Один раз я случайно оставил клетку открытой.

Капитан сразу вылез из нее и вскарабкался на крышечку клетки. С минуту он подбадривал себя песней, а потом решился лететь. Пролетев по комнате, он опустился на стеклянную крышку аквариума и стал разглядывать, что там делается внутри, за стеклом.

Там под светом рефлектора раскинулись тропические водоросли, а между ними плавали королевские тетры - темные рыбхи, рассеченные золотой полосой.

Подводный мир заморозил клеста. Радостно цокнув, он долбанул в стекло кривым клювом. Вздрогнули королевские тетры, а клест полетел к окну.

Он ударился головой о стекло и, ошеломленный, упал вниз, на крышу клетки...

В феврале я купил себе гитару и стал разыгрывать пьесы старинных итальянских композиторов. Чаще всего я играл пятый этюд Джульяни.

Этот этюд играют все начинающие гитаристы. Когда его играешь быстро, звуки сливаются, и выходит - вроде ручеек журчит.

У меня ручейка не получалось, вернее, тек он слишком уж медленно, но все-таки дотекал до заключительного аккорда.

Капитан Клюквин отнесся к моей игре с большим вниманием. Звуки гитары его потрясли. Он даже бросил петь и только изредка восхищенно цокал.

Но скоро он перешел в наступление. Как только я брал гитару, Клюквин начинал свистеть, стараясь меня заглушить.

Я злился и швырял в клеста пустыми шишками или загонял его в клетку, а клетку накрывал пиджаком. Но и оттуда доносилось злобное цыканье Капитана.

Когда я выучил этюд и стал играть его получше, Клюквин успокоился. Он пел теперь тише, принаравливаясь к гитаре.

До этого мне казалось, что клест поет бестолково и только мешает, но, прислушавшись, я понял, что Капитан Клюквин украшает мою игру таинственными, хвойными, лесными звуками.

Конечно, выглядело все это не так уж прекрасно - корявая игра на гитаре сопровождалась кривоносным пением, но я пришел в восторг и мечтал уже выступить с Капитаном в Центральном Доме детей железнодорожников.

Теперь ручеек потек более уверенно, и Капитан Клюквин добавлял в него свежую струю.

Он не любил повторяться и всякий раз пел новую песню. Иногда она бывала звонкой и радостной, иногда - печальной.

А я по-прежнему пилил одно и то же.

Каждый день перед заходом солнца Капитан вылетал из клетки, усаживался на

аквариум и, пока я настраивал гитару, легонько цокал, прочищая горло.

Солнце постепенно уходило, пряталось за мелькомбинатом, и в комнате становилось сумеречно, только светился аквариум. В сумерках Клюквин пел особенно хорошо, душевно.

Мне нравились наши гитарные вечера, но хотелось, чтоб клест сидел ко мне поближе, не на аквариуме, а на грифе гитары.

Как-то после утренней песни я не стал его кормить. Капитан Клюквин вылетел из клетки, обшарил шкаф и письменный стол, но не нашел даже пустой ольховой шишечки. Голодный и злой, он попил из аквариума и вдруг почувствовал запах смолы.

На гитаре, что висела на стене, за ночь выросла шишка, как раз на грифе, на том месте, где находятся колки для натягивания струн. Шишка была свежая, от нее крепко пахло смолой.

Капитан взлетел и, вцепившись в шишку когтями, стал отдирать ее от грифа. Однако шишка - хе-хе! - была прикручена проволокой. Пришлось долбить ее на месте.

Подождав, пока клест хорошенько вработается, я стал осторожно снимать с гвоздя гитару.

Капитан зарычал на меня.

Отделив гитару от стены, я плавно повлек ее по комнате и через минуту сидел на диване. Гитара была в руках, а на грифе трещал шишкой Капитан Клюквин.

Левая рука моя медленно поползла по грифу, все ближе подбираясь к шишке. Капитан сердито цокнул, подскочил ко второму ладу и ущипнул меня за палец. Раздраженно помахав крыльями, он пошел пешком по грифу доколупывать свою шишку.

Ласково взял я первую ноту - задрезжала шишка, а клест подпрыгнул и зацокал громко и радостно, как лошадь копытами по мостовой.

Оканчивался месяц март.

С крыши мелькомбината свешивались крупные сосульки, облепленные мукой.

В хорошую погоду я выставлял клетку на балкон, и Капитан Клюквин весь день дышал свежим воздухом, пел, клевал снег и сосульки.

На звук его голоса залетали синицы-московки. Они клевали коноплю и сало в кормушках, пересвистываясь с Капитаном.

Иногда синицы садились на крышу клетки и начинали дразнить клеста, сыпали на него снег и тинькали в самое ухо.

Клюквин реагировал на синиц по-капитански. Он воинственно цокал, стараясь ухватить московку за ногу.

Синицы увертывались и хохотали.

Но вот солнце стало припекать как следует, сосульки растаяли. С крыши мелькомбината рабочие скидывали старый серый снег.

Тепло подействовало на Капитана неважно. С кислым видом сидел он на жердочке, и я прикрывал его от солнца фанеркой. И синицы стали наводить на него уныние. С их прилетом Клюквин мрачнел, прятал голову в плечи и бросал петь. А когда они улетали, выпускал вдогонку звонкую трель.

В комнате он чувствовал себя даже лучше: аквариум, шишки, гитара - милая, привычная обстановка. По вечерам мы играли пятый этюд Джульяни и глядели на аквариум, как там течет подводная жизнь в тропиках.

В середине апреля Клюквин совсем захандрил. Даже шишки он долбил теперь не с таким яростным интересом.

"Что ж,- думал я,- ему не хватает леса, воздуха. Понесу его в парк, в Сокольники".

В воскресенье отправились мы в парк.

В тени, окруженной елками, Клюквин оживился: пел, прыгал по клетке, глядел на макушки деревьев. На свист его подлетали воробьи, подходили поздние лыжники, еле бредущие последним снегом.

Но дома Клюквин скис, вечером даже не вылетел из клетки посидеть на аквариуме - напрасно разыгрывал я пятый этюд Джульяни.

"Дела неважные,- думал я.- Придется, видно, отпустить Капитана".

Но отпускать его было опасно. Слишком долго просидел Клюквин в клетке. Теперь он мог погибнуть в лесу, от которого отвык.

"Ладно,- решил я.- Пусть сам выбирает". И вот я устроил в комнате ярмарку:

развесил под потолком гирлянды еловых и ольховых шишек, кисти калины и рябины, связанные вениками, повсюду натывал еловых веток.

Капитан Ключвин следил за мною с интересом. Он весело цокал, удивляясь, видно, моей щедрости.

Потом я вынес клетку на балкон, повесил ее на гвоздик и открыл дверцу. Теперь Капитан мог лететь в комнату, где раскачивались под потолком шишки, где светился аквариум. Капитан Ключвин вышел на порог клетки, вскарабкался на ее крышу, клюнул зачем-то железный прут и... полетел.